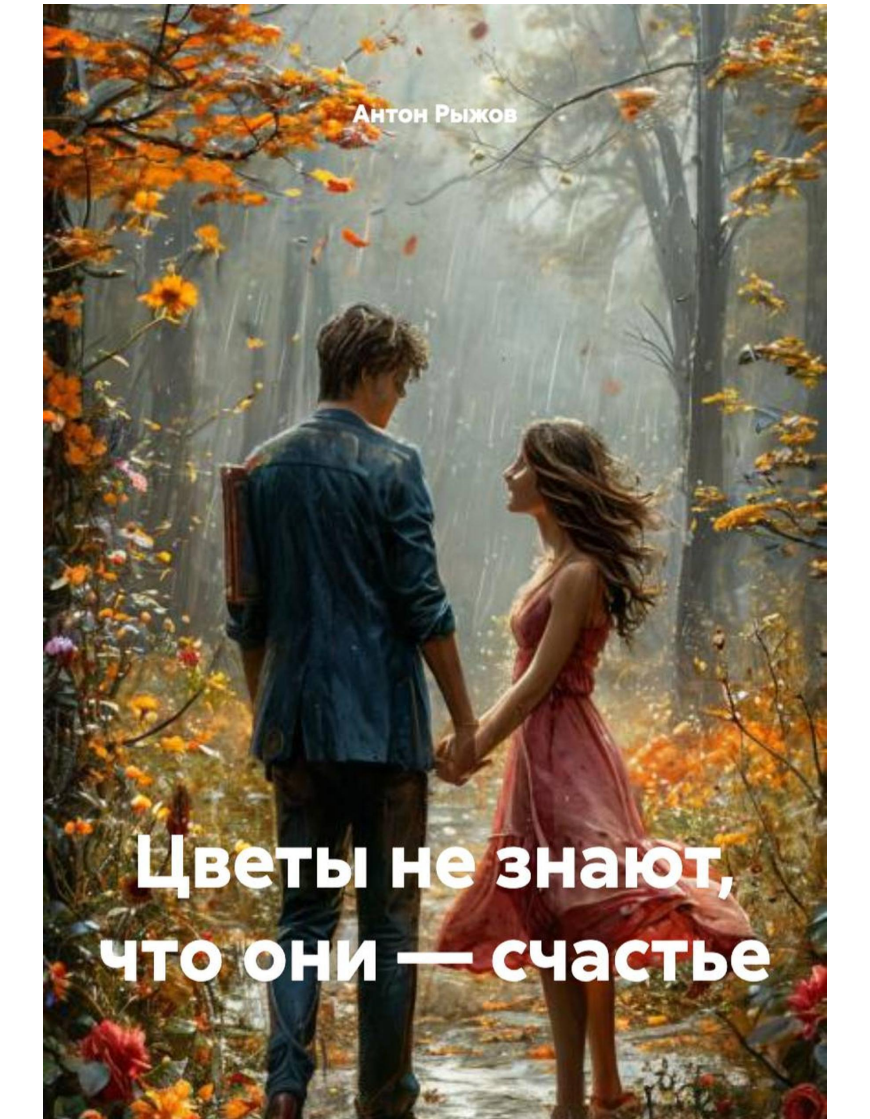

A romantic couple walking away from the viewer down a path in a forest during a rainstorm. The man is on the left, wearing a blue jacket and dark pants, carrying a brown bag over his shoulder. The woman is on the right, wearing a pink dress, looking back at him. The air is filled with falling rain and orange autumn leaves. The scene is misty and atmospheric.

Антон Рыжов

**Цветы не знают,
что они — счастье**

Антон Рыжов

**Цветы не знают,
что они – счастье**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73486993

SelfPub; 2026

Аннотация

Он – книга в твёрдом переплёте: живёт по плану, боится хаоса и ищет определённости. Она – тёплый летний ветер: танцует под дождём, цитирует Юнга и печёт пироги с вишней. Они разные настолько, что, кажется, им не быть вместе. Но именно в этой разности рождается истина: любовь – это не когда смотрят друг на друга, а когда принимают друг друга такими, какие есть.

Это книга о том, что у цветов нет планов, но они цветут. И у любви нет планов, но она случается. И даже когда всё кончается, на самом деле ничего не кончается – просто кто-то другой садится на то же поваленное дерево и слышит тот же шёпот: «Живут. И это главное».

Антон Рыжов

Цветы не знают, что они – счастье

Глава 1

Он вышел из душного города в поле, когда вечер уже собирался красть краски у заката. Вокруг ни души, только ветер и бескрайнее море цветов. Они покачивались, словно звёзды, упавшие с неба и застрявшие в траве. Он опустился на колени, протянул руку, чтобы сорвать один, самый яркий, но замер.

– Никогда не срезай цветок, если хочешь видеть его расцветающим, – раздался голос за спиной.

Он обернулся. Старик в холщовой рубахе сидел на поваленном дереве и смотрел на горизонт.

– Я просто хотел унести эту красоту с собой, – ответил путник. – В городе её нет.

– Красота не терпит плена. Она либо растёт здесь, либо

умирает в твоих руках. Цветы – это маленькие чудеса, которые дарят нам надежду. Они как мечты: если попытаешься запереть их в клетку, они засохнут.

Путник вздохнул и сел рядом.

– А у меня нет ни мечты, ни надежды. Живу как во сне, среди людей, но один. Говорю, а меня не слышат. Думаю, а меня не понимают. Одиночество...

– Одиночество, – перебил старик, – это не когда вокруг никого. Это когда ты не можешь рассказать другим о том, что для тебя важно. Но посмотри вокруг. Разве эти цветы молчат? Они – музыка, которую шепчет природа. Они – посланцы весны и радости. Если ты не слышишь их, ты глух, а не одинок.

Путник прислушался. Ветер шуршал лепестками, и в этом шорохе действительно чудилась тихая мелодия. Он закрыл глаза.

– Знаешь, – продолжил старик, – в каждом цветке скрыта тайна красоты. И в каждом человеке тоже. Но люди забывают об этом. Они тратят дни на пустые ссоры, на плохое настроение, на бессмысленные тревоги. А жизнь слишком коротка для этого. Ты когда-нибудь танцевал так, будто никто

не смотрит? Пел, будто никто не слышит?

– Нет... Наверное, в детстве.

– А зря. Жить надо так, будто земля – это рай. И день без улыбки – потерянный день.

Путник улыбнулся, сначала неуверенно, потом шире.

– Когда я был маленьким, я хотел быть просто счастливым. А мне сказали, что я не понял задания. Но это они не поняли жизнь. Счастье – это и есть самое главное задание.

– Вот видишь, – старик кивнул. – Ты уже начинаешь вспоминать. А время... Ты замечал, как оно по-разному течёт? Для тех, кто ждёт – медленно, для тех, кто боится – быстро, для тех, кто скорбит – тянется бесконечно, для тех, кто радуется – пролетает. Но для тех, кто любит, время превращается в вечность.

– А я никого не люблю, – тихо сказал путник.

– Посмотри на цветы. Они не спрашивают, кто их полюбит. Они просто цветут. Они – символ стойкости. Живи так, как будто тебе суждено умереть завтра. Учись так, будто жить тебе вечно. И тогда вопрос не в том, есть ли жизнь

после смерти. Вопрос в том, жив ли ты до неё.

Путник молчал, глядя, как последний луч солнца золотит верхушки трав.

– Спасибо, – прошептал он.

Но когда обернулся, старика рядом не было. Только цветы тянулись к нему, и в каждом дрожала капля вечерней росы, как маленькая звезда.

Он встал и пошёл обратно в город, но теперь шаг его был лёгким. Он знал: где-то в поле остались те, кто научил его дышать полной грудью. И каждый раз, когда в груди будет захватывать дух от красоты мира, он будет вспоминать: жизнь измеряется не количеством вдохов,

а теми мгновениями, ради которых хочется жить вечно.

глава 2

Он уже почти дошёл до кромки поля, где асфальт врезался в землю, как вдруг ветер переменялся. Вместе с запахом трав и уходящей ночи он принёс нечто новое – тонкий аромат яблок и корицы, такой неуместный посреди дикого поля.

Путник остановился и оглянулся.

На том самом поваленном дереве, где только что сидел старик, теперь стояла корзинка, накрытая клетчатым платком. А рядом с корзинкой, поджав под себя ноги и уткнувшись носом в книгу, сидела девушка. Тёмные волосы выбивались из-под вязаной шапки, закрывая пол-лица, а страницы она перелистывала так бережно, словно они были сделаны из лепестков тех самых цветов.

– Вы уронили? – спросил он, подходя ближе, и сам не понимал, про что именно спрашивает – про платок, про книгу или про этот странный запах.

Девушка подняла голову. Глаза у неё оказались точь-в-точь цвета вечернего неба – синие, с золотыми искорками заката.

– Нет, – улыбнулась она. – Я поставила. Для вас.

– Для меня? – опешил он. – Но мы не знакомы.

– А разве для того, чтобы разделить пирог, нужно знакомиться? – она похлопала ладонью по стволу рядом с собой. – Садитесь. Вы, кажется, устали от важных разговоров.

Он хотел спросить, откуда она знает про разговоры, но вместо этого послушно сел. Девушка откинула платок – в корзинке и правда лежал яблочный пирог, ещё тёплый, будто его только что вынули из печи.

– Мой дед говорил: если видишь человека, который долго смотрит на цветы, значит, ему есть что сказать миру, но он пока не нашёл слов. А голодному человеку слова даются труднее, – она ловко отломил кусок и протянула ему. – Ешьте. Пирог сегодняшней.

Он взял угощение. Пирог таял во рту, и вместе с теплом по телу разливалось странное спокойствие.

– Ваш дед... – начал он, оглядываясь на поле, но старик не материализовался из воздуха, как в прошлый раз. – Он часто здесь сидит?

– Сидел, – девушка поправила шапку. – Пока не ушёл в город год назад. Сказал, что наговорился с цветами и ветром на сто лет вперёд, теперь хочет поговорить с людьми. А вы его видели, да? Он всегда возвращается

сюда... в воспоминаниях.

Путник поперхнулся.

– В воспоминаниях? Но я только что...

– Только что разговаривали с ним, – закончила она за него. – Знаю. Он любит это место. Говорит, здесь время течёт по-другому. Для тех, кто помнит – оно останавливается.

Они замолчали. Ветер снова покачивал цветы, и теперь этот шёпот казался ему не просто мелодией, а разговором – старик явно рассказывал цветам, что встретил сегодня хорошего человека.

– А вы? – спросил он вдруг. – Вы верите, что жизнь измеряется мгновениями?

Девушка допила чай из термоса, который достала из той же необъятной корзинки, и задумалась.

– Я верю, что мгновения можно создавать. Вот, смотрите.

Она отложила книгу, встала и сделала несколько шагов вглубь цветов. Потом обернулась, раскинула руки и закружилась. Вязаная шапка слетела, тёмные волосы взметнулись, ловя последний свет, и на секунду ему показалось, что она сейчас взлетит. Цветы пригибались

к земле от ветра, но вокруг неё, казалось, образовался свой собственный, тихий мирок.

– Ну чего вы сидите? – крикнула она сквозь смех. – Жизнь слишком коротка, чтобы бояться показаться смешным!

И он встал. Сначала просто подошёл ближе, потом, поймав её ритм, тоже раскинул руки. Они кружились среди цветов, как два нелепых, счастливых ребёнка, пока небо не стало совсем тёмным, а на смену закату не пришли первые звёзды.

Запыхавшись, они повалились в траву.

– Я даже не знаю вашего имени, – выдохнул он.

– А разве это важно? – она повернула голову и улыбнулась ему в темноте. – Важно, что вы перестали смотреть на цветы со стороны и наконец-то вошли в них.

Где-то вдалеке загудел город, напоминая о себе. Но ему казалось, что этот гул доносится с другой планеты. Рядом с ним в траве лежала девушка, пахло яблоками и мокрой землёй, а в груди билось то самое чувство, ради которого хочется жить вечно.

– Я приду сюда завтра, – сказал он тихо, будто боялся спугнуть момент.

– Я знаю, – ответила она. – Пирог будет с вишней.

глава 3

Он пришёл на поле, когда солнце только начинало клониться к закату, но было ещё высоко. В руках он сжимал букет – не сорванных, а купленных в городе васильков, решив, что приносить цветам смерть ради встречи было бы кощунством после вчерашнего.

Девушка уже сидела на том же поваленном дереве. Корзинка стояла рядом, а в руках у неё была та самая книга.

– Я боялась, что вы не придёте, – сказала она, откладывая книгу. – Люди часто обещают прийти завтра, но завтра почему-то не наступает.

– Наступило, – улыбнулся он и протянул васильки. – Это вам. Не сорванные в поле, а выращенные специально для букетов. Компромисс.

Она рассмеялась и приняла цветы, вдохнула их тонкий запах.

– Компромисс – это про людей. Цветы не умеют договариваться, они просто растут. Но мне приятно. Садитесь. Пирог с вишней, как обещала.

Он сел, взял пирог, но вместо того, чтобы есть, смотрел на неё. Сегодня она была без шапки, волосы собраны в небрежный пучок, а на шее висел смешной кулон в виде маленькой совы.

– Вы вчера сказали, что мгновения можно создавать, – начал он. – А ещё сказали, что мой разговор со стариком был важен. Откуда вы всё это знаете? Кто вы?

Девушка откусила кусочек пирога, задумчиво пожевала и посмотрела на горизонт.

– Я просто много читала. И ещё больше слушала. Знаете, есть такие люди – психологи, философы, которые пытаются объяснить нам, почему мы несчастны и как стать счастливее. Я в какой-то момент поняла, что живу не свою жизнь, и побежала к ним за ответами. Сначала в книги, потом на лекции, потом просто стала применять.

– И помогло?

– Смотрите, – она повернулась к нему. – Есть такой человек, Михаил Лабковский. Очень прямой, жёсткий даже. Он говорит: «Делать только то, что хочется». Звучит эгоистично, да? А на самом деле это про честность с собой. Я раньше всё время делала то, что «надо». Надо выйти замуж, надо родить, надо терпеть. А он говорит: если вам плохо в отношениях, не надо терпеть. Надо уходить. Здоровый человек не будет терпеть то, что причиняет боль.

Она вздохнула.

– Я ушла из отношений, где меня не слышали. Страшно было. Но Лабковский прав: «Несчастливые люди не могут дать счастья другим».

– И что дальше? – спросил путник, забыв про пирог.

– Дальше я наткнулась на Курпатова. Андрей Курпатов, умнейший человек. Он про мозг рассказывает. Про то, что мы сами себе придумываем проблемы. У него есть фраза: «Реальность – это то, что мы о ней думаем». Я тогда сидела и размышляла: боже, я же сама себя сделала несчастной своими мыслями! Решила, что я недостаточно хороша, что меня нельзя любить, что все мужики – козлы. А он говорит: мозг – это машина, которая просто привыкла думать в эту

сторону. Надо перенастраивать.

– Перенастроили?

– Частично, – улыбнулась она. – Потом пришёл Сатья. Вы знаете Сатью? Такой усатый ведический психолог, про семью всё рассказывает. У него есть высказывание: «Мужчина должен быть как стена, а женщина – как цветок». Я сначала обиделась: почему это я цветок, я личность! А потом поняла, что он не про слабость, а про гибкость. Про то, что женщина может быть сильной, но рядом с мужчиной она может

позволить себе быть мягкой. Если стена надёжная.

Она помолчала.

– Но мне тогда стена была не нужна. Мне нужен был я сам. Понимаете?

– Кажется, да, – кивнул он. – А Юнг? Фрейд? Я слышал эти имена, но как-то...

– О, Юнг, – глаза девушки загорелись. – Карл Густав Юнг. Это мой любимый. Он про душу говорил. Про то, что у каждого есть тень – то, что мы в себе не принимаем. Злость, зависть, слабость. И пока мы это не примем, оно будет управ-

лять нами из тени. У него есть фраза: «Я не то, что со мной случилось, я – то, чем я решил стать».

Она замолчала и посмотрела на него в упор.

– Я поняла, что моё детство, мои обиды, мои бывшие – это не я. Это просто опыт. А я могу выбрать, кем быть дальше.

– А Фрейд? Он же про секс всё, да? – улыбнулся путник.

– Фрейд про секс, да. И не только. Фрейд сказал: «Время, проведённое с кошками, никогда не бывает потрачено зря». Шучу, – засмеялась она. – На самом деле Фрейд про то, что всё идёт из детства. Что наши

родители, даже самые лучшие, всё равно накладывают на нас отпечаток. У него есть фраза: «Из нас не получится жить правильно, но мы можем хотя бы понять, почему мы живём неправильно».

Она отпила чай из термоса.

– Я долго злилась на маму. А Фрейд помог понять, что она тоже была ребёнком, у которого были свои травмы. И она делала как умела.

– Сильно, – сказал путник. – А Ницше? Это же вообще... тяжёлый?

– Ницше – это про силу. Про то, что жизнь – это страдание, но только через страдание мы растём. Он сказал: «То, что нас не убивает, делает нас сильнее». Я эту фразу повторяла, когда лежала в больнице после разрыва. Когда думала, что сердце разорвётся. И знаете, сработало. Я выжила. И стала правда сильнее.

– А Литвак? – спросил он, чувствуя, что начинает понимать эту девушку всё глубже.

– Михаил Литвак, – кивнула она. – Гениальный психотерапевт. Он про общение много. Про то, как не давать себя использовать. У него есть высказывание: «Если человек не отвечает на ваши чувства, значит, вы их навязываете. Отойдите». Я раньше думала: ну как отойти, я же люблю! А он говорит: любовь – это когда

обоим хорошо. Если одному плохо – это не любовь, это зависимость.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

– Я поняла, что все эти люди – Лабковский, Курпатов, Са-

тъя, Юнг, Фрейд, Ницше, Литвак – они не дают готовых рецептов. Они дают инструменты. Как лопатки и грабельки. А уж копать – самому.

Путник смотрел на неё и вдруг спросил:

– А вы сами? Как вас зовут? Не «девушка с книгой», а по-настоящему?

Она улыбнулась, и в её глазах заплясали закатные искры.

– Меня зовут Лина. А вас?

– Андрей.

– Красивое имя. Знаете, что сказал один мудрец? Имя – это первый подарок, который мы получаем от родителей. И носить его нужно с гордостью.

– Это тоже кто-то из ваших психологов? – улыбнулся он.

– Нет, – засмеялась Лина. – Это моя бабушка. Самый главный психолог в моей жизни.

Они замолчали, глядя, как солнце медленно опускается за горизонт. Цветы вокруг шуршали, и в этом шуршании

слышалось одобрение старика, который где-то там, в городе, улыбался, глядя на внучку.

– Лина, – сказал вдруг Андрей. – А можно я завтра тоже приду?

– Завтра суббота, – ответила она. – У меня пирог с яблоками и карамелью.

– Я люблю яблоки.

– Я знаю, – она подмигнула. – Вы их ели вчера. Внимательный человек запоминает такие вещи.

Они встали, и Андрей проводил её до тропинки, ведущей к городу. Там, на границе асфальта и цветов, она остановилась.

– Андрей, – сказала Лина серьёзно. – Помните, что сказал Ницше? «В человеке важно то, что он мост, а не цель». Мы все в процессе. И вы тоже. Не бойтесь быть в процессе.

Она поцеловала его в щёку и пошла в сторону огней, а он стоял и смотрел вслед, чувствуя, как на губах остаётся вкус вишнёвого пирога, а в груди – что-то очень похожее на надежду.

глава 4

Он пришёл на поле засветло. В руках вместо букета была небольшая бумажная книга, перевязанная бечёвкой, – сборник стихов Цветаевой, который он отыскал в букинистическом магазине на окраине.

Лина уже сидела на своём месте. Сегодня она была в лёгком платье в мелкий цветочек, а волосы распущены и пахли ромашкой.

– Третий день, – улыбнулась она, заведя его. – Знаете, что говорит статистика? Если человек приходит три раза подряд, это уже не случайность, а закономерность.

– А что говорят психологи? – улыбнулся Андрей, протягивая книгу.

Лина приняла подарок, провела пальцами по обложке и вдруг часто-часто заморгала.

– Цветаева... Это моя любимая. «Разбросанным в пыли по магазинам, никем не взятым и никем не чтимым, моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черёд». Откуда вы знали?

– Не знал. Просто почувствовал.

Она спрятала книгу в корзинку, рядом с пирогом, который сегодня пах яблоками и корицей.

– Садитесь. Сегодня у меня для вас новое меню, – она похлопала ладонью по стволу. – Яблочный тарт. А в качестве десерта – новые знакомства. Слышали про Макса Бартона?

– Кажется, это какой-то психолог-блогер? – Андрей сел рядом, принимая кусок пирога.

– Не просто блогер, – Лина заговорщически понизила голос. – Макс Бартон – это человек, который говорит простые вещи жёстко и прямо. Он про границы. Про то, что люди должны уметь говорить «нет» без чувства вины. У него есть фраза: «Если вы позволяете другим вытирать об себя ноги, не удивляйтесь, что на вас постоянно хотят ставить ботинки».

Андрей поперхнулся чаем.

– Жёстко.

– Зато честно. Я раньше была удобной для всех. Для мамы, для друзей, для бывшего. Делала то, что просят, терпела, молчала. А Бартон говорит: «Чувство вины – это кнопка, которую нажимают те, кому от вас что-то нужно». И знаете, я перестала быть удобной. И знаете что? Те, кто любил меня по-настоящему, остались. А те, кому нужна была только моя удобность, отвалились.

Она откусила яблочный тарт и довольно зажмурилась.

– Дальше. Вероника Степанова. Слышали?

– Что-то про отношения?

– Про отношения, про женскую психологию. Она очень глубокая. У неё есть замечательная мысль: «Любовь – это не когда смотрят друг на друга, а когда смотрят в одну сторону». Я когда это прочитала, поняла, что у меня никогда не было любви. Была страсть, была привязанность, была привычка. А чтобы в одну сторону – этого не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.